

ШХ: Значит, когда ты писала Затмение, Сумерки ещё не вышли.СМ: Сумерки ещё не продавались в магазинах. Я, к тому моменту, уже закончила черновик Затмения. Но мне ещё предстояло многое отредактировать, но оно осталась в своем первоначальном варианте.

ШХ: Сумерки сразу же увенчались успехом?СМ: Да — даже больше, чем я думала, что могло бы. Я имею в виду, очевидно, ничего общего с тем, что происходит сейчас. Но пока я была в туре, она за одну неделю попала в список Нью-Йорк Таймс — который для меня был воплощением всего. Это было похоже на: Всю оставшуюся жизнь я могу говорить, что я по версии Нью-Йорк Таймс писательница-романистка бестселлеров.

ШХ: [Смеется] Верно.СМ: Так что, за ту одну неделю чувствовалось, что это оно — это всё, что мне когда-либо было нужно. [Смеется] Так что всё началось очень хорошо. Книготорговцы были действительно великолепны в донесении слов до читателей и в помощи продаже книги — и это потрясающе. Перед выходом Новолуние у меня было несколько мероприятий с примерно сотней человек — и все они были взволнованы и готовы узнать, что будет дальше. Это было очень, очень приятно.

ШХ: Итак, в какой момент тебе пришлось начать балансировать между успехом и давлением извне, пока ты всё ещё писала?СМ: Я считаю, что первое настоящее давление было с Новолунием, когда вышли копии для предварительного чтения. У Новолуния были два спойлера. Эдвард — уходит, Джейкоб — оборотень. Как только ты это узнаешь, большая часть неизвестности исчезнет из книги. Независимо от того, понимаешь ты это или нет, это часть всё равно колоссально. Так что эти две вещи в значительной степени разрушают любую возможность неопределенности в истории. Затем в Интернете появилась рецензия, написанная кем-то, у кого была копия для предварительного чтения, и она раскрыла все сюжетные моменты всей книги за шесть месяцев до выхода книги. Это был первый раз, я считаю, когда мой издатель начала осознавать силу Интернета с этой конкретной серией. Потому что лишь тогда начался этот огромный поток писем, и люди были так расстроены. Неужели это действительно произошло? Почему эта особа сказала нам это? Можем ли мы прочитать книгу сейчас? Она уже вышла? Что происходит? Так что тогда я ощутила давление — но книга уже была написана. А потом, с Затмением, стало ощущаться, что у многих людей есть свои конкретные идеи о том, что должно произойти. Это был первый раз, когда я по-настоящему осознала, что люди по-своему пишат эту историю у себя в голове. Я также начала получать от людей-не-любящих Джейкоба отклики, что правда застало меня врасплох. Я считаю, это потому, что они не слышали его от первого лица, как я. Так что они получили такой шанс, позже.

ШХ: Не знаю, чувствовали ли ты то же самое... но я никогда не думала, что буду писать с точки зрения мальчика. Может, потому, что я прочитала много книг, в которых мужчины писали с точки зрения женщины, и я находила их нереалистичными персонажами.СМ: Да, да!

ШХ: Особенно, знаешь, книги, написанные в прошлом веке. А я такая: Это такая чушь! Женщина никогда бы не подумала так — не сделала так — и это меня беспокоило. Так что я думала, что никогда не буду писать с точки зрения мальчика. Но потом я встретила персонажа — почти так же, как ты. В книге Девушка-гусь был второстепенный персонаж по имени Рейзо.

А потом, в следующей книге Огненная Энна, он снова появился в ней — второстепенным персонажем. И затем, к тому времени, когда я добралась до третьей книги этой серии и начала писать с его точки зрения, я уже знала его по двум книгам. И я подумала: Я не пишу её с точки зрения мальчика; я просто пишу её с точки зрения личности, которую знаю. И половая принадлежность не была проблемой. Было ли что-то подобное с Джейкобом?СМ: Аха. Знаешь, я чувствовала себя немного самонадеянной, когда начала работать над Сумерками с перспективы Эдварда, потому что я не мальчик. Но Эдвард был настолько важной частью истории и таким сильным голосом, что казалось, это не имело значения. Так что я как бы вычеркнула это из своей системы к тому времени, когда решила, что мне нужно писать с точки зрения Джейкоба. Но, опять же, я не писала от имени мальчика, я писал от имени Джейкоба. Это не было похоже на универсальное дело мужского пола. Я, правда, считаю, что у меня есть чувство мальчиков, потому что у меня есть трое братьев; у меня есть трое сыновей, мой муж, мой отец и мой свёкр. Я видела много мальчиков подростков в действии, и в самом деле они очень обворожительные, весёлые и душераздирающие создания. Я имею в виду, что они могут выбить дурь друг из друга, а затем смеяться, обнимая друг друга, с синяком под глазом пять минут спустя. Я, правда, считаю, что я наблюдала достаточно, чтобы правильно выразить внешнюю форму, и что я знала Джейкоба достаточно, чтобы правильно выразить внутреннюю часть.

ШХ: Я люблю главы от имени Джейкоба в Ломая Рассвете. Но нам нужно вернуться к Затмению. Ты говорила, что Грозовой Перевал повлиял на Затмение.СМ: Аха. Знаешь, и это одна из тех, которые интересна для меня, потому что Грозовой перевал не та книга, которая мне нравится. В ней есть персонажи, которые меня завораживают, но в целом я не наслаждаюсь чтением этой книги. Я наслаждаюсь, читая самый конец, и наслаждаюсь, читая пару отрывков в середине, но большую часть времени я просто нахожу её по правде удручающей.

Когда Эдвард говорит о ней, через него высказывается моё мнение: Это история ненависти — а не история любви. Тяга между Эдгаром и Хитклифом сильна — и, ты знаешь, Кэти делает неправильный выбор. У них обоих было что предложить, и она выбрала ту часть, которая не имела значения. Несмотря на то, что я не люблю читать Грозовой перевал, я думаю об этой части достаточно много. Это одна из тех вещей, которые остаются с тобой. Ты можешь посмотреть на Эдварда и Джейкоба с одной перспективой и сказать: Ладно, вот этот — Хитклифф, а вон тот — Эдгар. А кто-то другой может сказать: Нет, подожди секунду. По этой причине и по той причине вон тот — Хитклифф, а вот этот — Эдгар. И я думаю, что это здорово, потому что любой из них мог быть тем, кто был неправильным для нее, и любой из них мог быть тем, кто был правильным. Мне нравится эта путаница, потому что такова жизнь.

ШХ: А когда мы читаем Грозовой перевал, мы читаем его с перспективы стороннего наблюдателя. Из будущего, оглядываясь назад. Так что, как читатель, мы знаем, кого ей следует выбрать. И мы видим, что она выбрала не того, вот почему это трагедия. Но что касается Затмения, мы не знаем, кого она выберет или, даже может, следует выбрать.СМ: Что ж, в Грозовой перевале мы видим, кого следует выбрать Кэти. Но мы также видим, что личность, которую ей следует выбрать — ужасный человек.

ШХ: [Смеется] Верно.СМ: Так что, возможно, ей следует выбрать хорошего парня, но, ты знаешь, Хитклифф был тем, кого она любит. Но в то же время был ли он действительно на пользу

ей? Что бы с ними стало, если бы они ушли вместе?

ШХ: Теперь, это напомнило мне нечто, что меня очень интересует. Мы говорим о том, кого ей следует или не следует выбрать. Я считаю, что иногда читатели приписывают истории мораль и думают, что со стороны мы пишем историю для того, чтобы научить людей как им жить. [СМ смеется] Но я не могу думать о морали истории, когда пишу — я могу думать лишь о том, интересна ли мне эта история. СМ: И когда я пишу истории, они очень конкретны — речь идёт об одной ситуации и об одной личности, которая не похожа ни на кого в этом мире. Так что решения и выбор этой личности не являются образцом для кого-либо ещё. И меня беспокоит, когда люди говорят: Ну, эта история проповедует вот это, или мораль такова. Потому что это всего лишь история. Речь идёт об интересном обстоятельстве и о том, как оно разрешится. Это история не должно ничего значить для чьей-либо жизни.

ШХ: Я, правда, считаю, что есть некоторые писатели, которые пытаются чему-то научить через свои истории. И я читала нравоучительные книги, мораль которых просто не работает. СМ: Что ж, нужно быть действительно талантливым, чтобы это сработало. Ты знаешь, у Клайва С. Льюиса это хорошо получалось. Я люблю его книги, и он очень старается вложить послания в своих историях. Но он так хорош, что ему это сходит с рук.

ШХ: Я считаю, что очень важно нам, как читателям, расширять наше понимание мира, по-настоящему приблизиться к персонажам, которые отличаются от нас, и понаблюдать, как они совершают ошибки или делают правильный выбор, а затем подумать: Поступила бы я таким же образом? СМ: Иногда люди говорят мне: «Ну, девушки уходят после прочтения ваших книг с этим наполненным пустым впечатлением». Может быть, что-то вроде: «Тебе следует подождать идеального джентльмена». В этом случае я могу сказать: «Ну, это положительный посыл: Ты не должна позволять людям плохо относиться к тебе. Если ты встречаешься с кем-то, кто не ставит твоё благополучие на первое место, если он злой или жестокий по отношению к тебе — уходи от этого». И это отличное послание: Если ты с подлым и скверным парнем, беги прочь прямо сейчас. [Смеется]

ШХ: Верно. СМ: Но это не послание книги. Просто потому, что Эдвард джентльмен, и он заботится о Белле больше, чем о себе — и, возможно, это именно то, чего каждый хотел бы в своих романтических отношениях — это не значит, что это послание, которое я пыталась написать в своих книгах.

ШХ: С другой стороны, если кто-то уходит после прочтения книги, думая, что мораль истории в Новолунии заключается в том, что во всем мире для тебя есть только один человек, который подходит тебе, и если он оставит тебя, тогда жизнь не стоит того, чтобы продолжать жить... СМ: Именно! Некоторые вещи, которые ты можешь извлечь из книг, можно превратить в позитивную вещь в своей жизни, но ты также можешь превратить её во что-то негативное, и это будет ужасно. Так что я считаю, что проще просто смотреть на книги так: Это вымышленная история — я никого ничему не пыталась научить — я лишь хотела развлечь себя. И я это сделала. Я очень развлеклась. [Смеется]

ШХ: Я всегда пытаюсь понять, где проходит грань авторской ответственности. То, что мы пишем, а затем выпускаем, влияет на жизнь людей. Но я абсолютно не контролирую, как люди будут интерпретировать то, что я пишу. Если читателям нужно найти в книге мораль или урок,

они преподают его сами себе. И я не думаю, что смогу контролировать то, чего читатели преподают сами себе. Считаешь ли ты, что чтение делает для тебя больше, чем просто развлечение?СМ: Это многое для меня делает — но я не считаю писателя ответственным за то, что я беру оттуда. Когда я читаю о ком-то вроде Джейн Эйр, я говорю себе: «Я хочу быть сильнее. Я хочу знать себя настолько хорошо, и знать, что верно, а что ошибочно настолько хорошо, чтобы быть в состоянии уйти ни с чем». Мне просто нравилось её чувство морали. Но я не считаю, что Шарлотта Бронте хотела, чтобы я использовала это как руководство по жизни. Если ты можешь найти что-то вдохновляющее в персонажах, это потрясающе, но это не их основная цель.

ШХ: И не может быть основной целью, иначе это просто убьёт историю. Основная цель должна состоять в том, чтобы рассказать историю.СМ: Она должна состоять в том, чтобы развлечь.

<http://tl.rulate.ru/book/52023/1487154>